

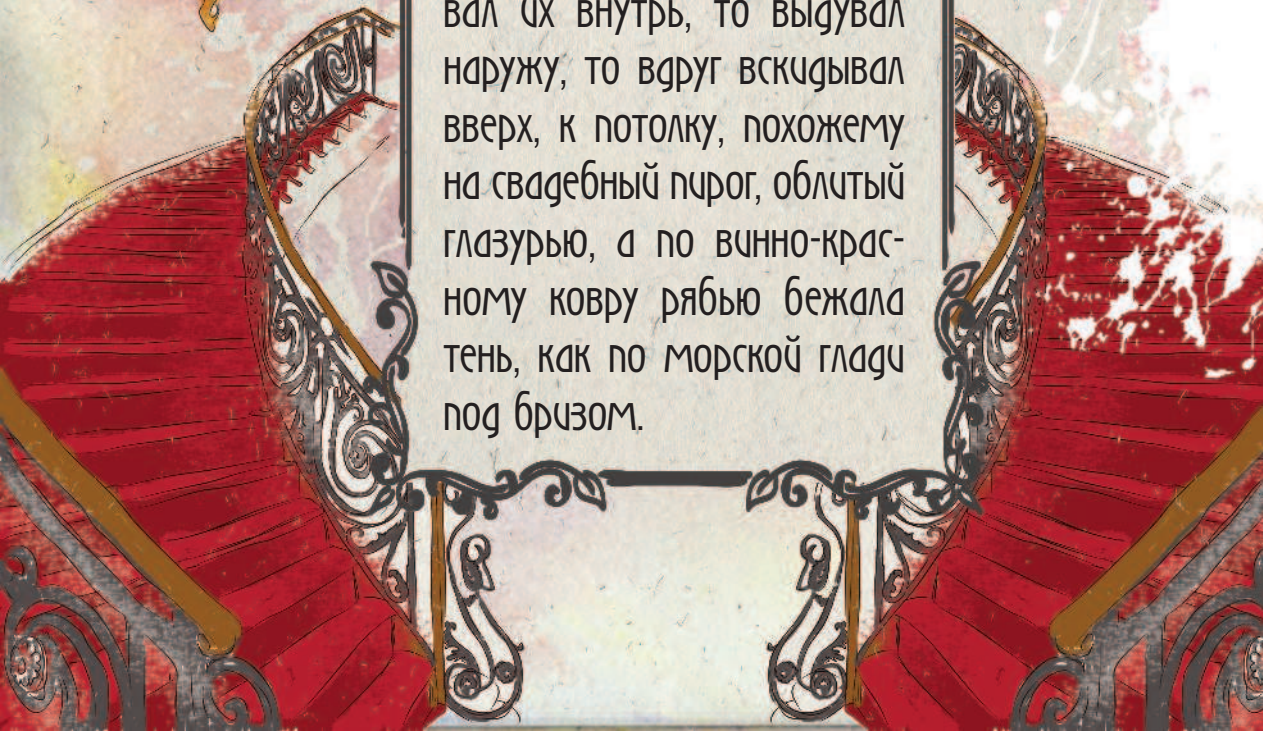
ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

БЛОКНОТ С ИСТОРИЕЙ

ЭКСМО
МОСКВА
2015

Мы прошли через просторный холл и вступили в сияющее розовое пространство, едва закрепленное в стенах дома высокими окнами справа и слева. Окна были распахнуты и сверкали белизной на фоне зелени, как будто вставшей в дом. Легкий ветерок гулял по комнате, трепля занавеси на окнах, развевавшиеся, точно бледные флаги, — то вдвигал их внутрь, то выдвигал наружу, то вдруг скидывал вверх, к потолку, похожему на свадебный пирог, облитый глазурью, а по винно-красному ковру рябью бежала тень, как по морской глади под бризом.

Единственным неподвижным предметом в комнате была испанская тахта, на которой, как на привязанном к якорю аэростате, укрылись две молодые женщины. Их белые платья подрагивали и колыхались, как будто они обе только что опустились здесь после полета по дому. Я, наверно, несколько мгновений простоял, слушая, как полощутся и хлопают занавеси и поскрипывает картина на стене. Потом что-то стукнуло — Том Бьюкенен затворил окна с одной стороны, — и попавшийся в западню ветер бессильно замер, а занавеси, и ковер, и обе молодые женщины на тахте постепенно опали и пришли в неподвижность.

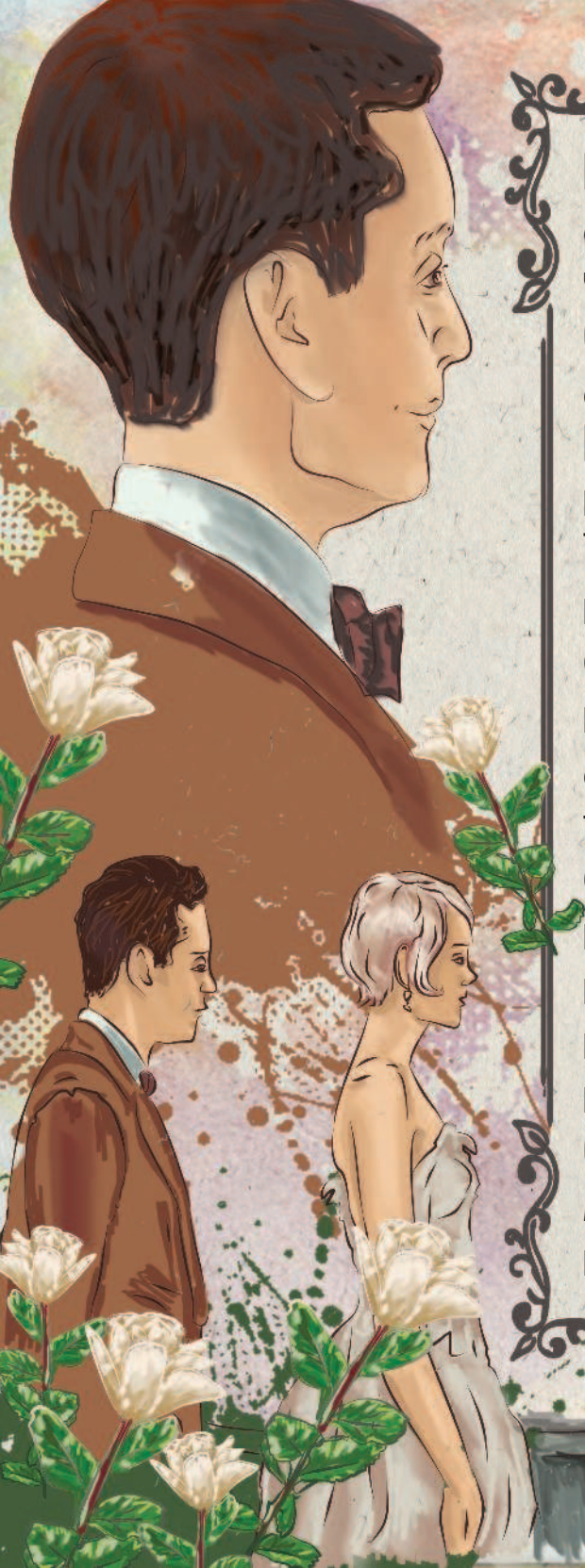

Опять затрещал телефонный звонок; Дэзи, глядя на Тома, решительно покачала головой, и разговор о лошадях, да и весь вообще разговор повис в воздухе. Среди осколков последних пяти минут, проведенных за столом, мне запомнились огоньки свечей — их почему-то опять зажгли — и мучившее меня желание в упор смотреть на всех остальных, но так, чтобы ни с кем не встретиться взглядом.

Не знаю, о чем думали в это время Дэзи и Том, но даже мисс Бейкер с ее очевидной скептической закалкой едва ли удавалось не замечать трескучей стальной навязчивости этого пятого среди нас.

Кому-нибудь другому вся ситуация могла показаться заманчиво пикантной, — но у меня было такое чувство, что необходимо срочно вызвать полицию. Понятно само собой, что о лошадях больше и речи не было. Том и мисс Бейкер вернулись в библиотеку, словно бы для сумеречного бдения над невидимым, но вполне материальным покойником, а я, притворяясь светски оживленным и слегка тугим на ухо, шел вместе с Дэзи цепью сообщающих балконов вокруг дома, пока эта прогулка не привела нас к центральной веранде, где было уже совсем темно. Там мы и уселись рядом на плетеном диванчике.

